

НОВГОРОД В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ И. Г. ПОРФИРИДОВА

Научное творчество Н. Г. Порфиридова (1895—1980) тесно связано с Новгородом, который он справедливо считал своей родиной. Здесь прошли его молодые годы, здесь он пережил самые счастливые, а подчас и горькие дни. Здесь вместе с деятельностью директора объединенных новгородских музеев¹ начался его исследовательский опыт.

Он был разносторонним человеком. Его общительность и деликатность собирали вокруг него множество людей, среди которых были известные писатели, художники, историки, искусствоведы и местные живописцы, учителя рисования, служители музеев. До конца жизни Николай Григорьевич сохранил свежесть чувства, искренность восприятия, отразившиеся и на характере его работы.

В первые годы Советской власти Н. Г. Порфиридов непосредственно участвовал в спасении и охране памятников искусства, занимался учетом и документацией художественных коллекций, устраивал помещения для хранения и экспонирования собранных материалов. По его инициативе в Новгороде были открыты Музей революции, Музей местного края, Музей атеизма. Подлинным его детищем стала картинная галерея, созданная на основе произведений живописи, скульптуры и прикладного искусства, обнаруженных в оставленных помещичьих усадьбах, а также на основе поступлений разных лет из Государственного художественного фонда и Государственного Русского музея.

Большое внимание Николай Григорьевич уделял научной реставрации. В ней он видел залог сохранности музейных ценностей и поэтому активно сотрудничал в работе московской и петроградской реставрационных комиссий, вникал в дискуссионные вопросы,² а самое главное — стремился к созданию новгородской музейной реставрационной мастерской, организация которой в 1925 г. была для него самой большой радостью. Вникая в процесс консервации и раскрытия памятников древней живописи, Николай Григорьевич закладывал основу своих будущих исследований.

Этой же цели служила и его интенсивная пропагандистская деятельность, которой он, как истинный музейный работник,

¹ В апреле 1918 г. Н. Г. Порфиридов был назначен заведующим музейной секции при Губернском отделе народного образования, превращенной вскоре в объединенное Управление новгородскими губерпскими музеями.

² Письмо из Новгорода. — Дела и дни, кн. I. Пг., 1920, с. 356 и сл.

всегда придавал большое значение. На страницах новгородской губернской газеты «Звезда», в периодических изданиях 1919—1930-х гг. постоянно появлялись его публикации самого разнообразного содержания.³ Многие из них стали предварительными наметками творческих планов.⁴

В жизни Н. Г. Порфиридова 1920—1930-е годы были временем овладения материалом, накопления впечатлений, формирования самостоятельного суждения. Он тогда внимательно прислушивался к замечаниям и выводам своих старших современников: И. Э. Грабаря, Г. В. Жидкова, А. И. Анисимова, А. И. Некрасова. Их труды, посвященные целым периодам древнерусского искусства и отдельным памятникам, открыли миру великих художников — Андрея Рублева и Феофана Грека. В них были поставлены сложные проблемы средневекового искусства; они послужили настоящей школой для Н. Г. Порфиридова. Опираясь на них, он нашел свое место в науке, положил свой камень в строительство ее грандиозного здания.

С образованием в Новгороде секции Института истории АН СССР Николай Григорьевич назначается ее научным секретарем, и с этого момента начинается его серьезная научная работа. В печатном органе секции — «Новгородском историческом сборнике» — публикуются его статьи.⁵ Здесь отчетливо выявляется основной предмет его занятий — прикладное искусство древнего Новгорода. Вислые свинцовые печати, литые, камешные рельефные иконки привлекают его не только как памятники материальной истории, но и духовной культуры. Эстетическое содержание этих предметов имело для Н. Г. Порфиридова особое значение: в них он видел воплощение народного духа, отражение вкусов самых широких слоев населения; в них он находил источник, открывающий картину культурной жизни средневекового горожанина, полную непосредственного человеческого мироощущения. Возможность проникнуть в эту неисследованную область представлялась заманчивой и многообещающей. Но начавшиеся уже сбываться планы прервала война.

После нескольких лет эвакуации, полных тревог и лишений,

³ См. список печатных работ Н. Г. Порфиридова, с. 231—237.

⁴ Наша старина. Археологические камни. — Звезда, 1923, 14 апреля; Заметки о двух археологических памятниках Новгородского музея. I. Камешное изваяние; II. Надписное пряслице из Рюрикова Городища. — Материалы и исследования. Новгородский государственный музей. I. Новгород, 1930.

⁵ Декоративная живопись Новгородской грановитой палаты. — Новг. истор. сборник, 1938, в. 5; Памятник новгородской эпиграфики XVI в. — Там же, 1939, в. 6; Живопись Волотова. — Там же, 1940, в. 7; Камни с изображениями и знаками. — Там же; Очерки памятников новгородской сфрагистики. I. Печати Великого Новгорода. — Там же, 1940, в. 8; Древнерусское светское шитье XI—XII вв. — Там же, в. 9 (сборник из печати в связи с войной не вышел); Очерки памятников новгородской сфрагистики. Печати владык Великого Новгорода. — Там же, 1959, в. 9.

Николай Григорьевич поселяется в Ленинграде, становится сотрудником Государственного Русского музея, занимая разные руководящие должности. Долгое время (вплоть до ухода на пенсию) он был заведующим Отделом древнерусского искусства. Эта работа позволила ему вернуться к прерванным войной занятиям. Но в Новгороде погиб весь его научный архив. Каждый, кто ведет исследовательскую работу, понимает, что эта утрата равна потере нескольких лет жизни. И тем не менее, опираясь на свою память, на опыт многих проведенных в Новгороде лет, Николай Григорьевич пишет очерки из истории русской культуры XI—XV вв. под общим названием «Древний Новгород». В этом труде он обобщил свои прежние наблюдения, сделал много верных выводов, дал меткую характеристику памятникам. Нужно заметить, что книга Николая Григорьевича вышла одновременно с книгой В. Н. Лазарева «Искусство Новгорода». Исследователи работали почти одновременно и независимо друг от друга. Обладая разными возможностями, пользуясь неодинаковыми методами, они тем не менее высказали близкие точки зрения на эволюцию новгородской культуры и выступили с работами, дополнившими друг друга.

В последующие (1950-е) годы Н. Г. Порфиридов был больше склонен к пропагандистской деятельности. У него был богатый опыт такой работы, и к тому же он считал ее чрезвычайно важной в музейном деле собирательства и экспонирования. Один за другим выходят его путеводители по залам Государственного Русского музея. Нередко Николай Григорьевич выступает в периодической печати.

За этой внешне скромной, не претендующей на глубокий анализ и обобщение работой стоял ежедневный систематический труд, позволивший человеку, ответственному за хранение нескольких тысяч экспонатов, составить собственное представление о развитии древнерусского искусства, наметить многие важные проблемы, связанные с эволюцией искусства. Впечатления накапливались постепенно, выводы были сформулированы только к концу жизни. Но Николай Григорьевич никогда не стремился быть на видном месте. Человек необычайно скромный, он был склонен больше к беседе, размышлениям вслух, не спешил высказаться в печати, выступить публично со своим мнением. Никогда не претендуя на окончательность своих суждений, он внимательно следил за развитием современной научной жизни, всячески приветствуя и поощряя исследовательскую деятельность молодых сотрудников, коллег из других музеев и учреждений. Прислушиваясь к возникающим дискуссиям, он тем не менее не спешил изменить свое суждение и зачастую оставался верен выводам, сделанным еще в молодости.

Так произошло, например, с датировкой Волотовской росписи. Это был любимый памятник Николая Григорьевича, разрушение которого во время войны он переживал как одну из самых тяжелых утрат русской культуры. Вместе с И. Э. Грабарем и

М. К. Каргером⁶ он относил ее к 1363 г., связывая роспись церкви Успения на Волотовом поле с летописным сообщением. Свою точку зрения он аргументировал на страницах Новгородского исторического сборника еще в 1940 г.⁷ Другого мнения придерживался А. И. Анисимов, датируя роспись 1380-ми гг.⁸ П. П. Муратов и М. В. Алпатов также склонялись к более поздней датировке, считая волотовскую роспись произведением новгородского мастера, воспринявшего уроки Феофана Грека.⁹ К позднему XIV в. относил роспись и В. Н. Лазарев, полагая, что большее (фрески Феофана Грека) не может зависеть от меньшего.¹⁰ Мнение крупных ученых было учтено Н. Г. Порфиридовым, но оно не повлияло на его представление о памятнике. Он продолжал считать роспись произведением середины XIV в. Это убеждение основывалось не только на широком знании общего исторического материала, но и на интуитивном чувстве культуры древнего Новгорода. Постепенно в науке появились замечания, авторы которых также пытались возвратиться к летописному свидетельству. Одно из них основано на наблюдении архитектурных особенностей памятника и принадлежит Л. Е. Красноречьеву.¹¹ И тогда Николай Григорьевич еще раз обратился к научной общественности с вопросом: «Следует ли отказываться от летописной даты Волотовской стенописи?»¹²

Сейчас вопрос о времени возникновения росписи не снят. Решение его будет зависеть от дальнейших исследований. Но существование его лишней раз свидетельствует о сложности и проблематичности многих явлений средневековой культуры. Суждение о ней должно строиться на основе целого комплекса аргументов, толкование которых также не всегда однозначно. Усилия ученых при этом должны быть нацелены не только на оправдание собственной, иногда заранее заданной гипотезы, а на всестороннее и внимательное изучение памятников искусства.

Н. Г. Порфиридов поставил в науке не один вопрос. Волновавшей его темой было прикладное искусство древнего Новго-

⁶ Каргер М. К. Новгород Великий. М., 1946, с. 60—61; Грабарь И. Э. Феофан Грек. — Казанск. музейный вестник, 1922, № 1.

⁷ Порфиридов Н. Г. Живопись Волотова. — Новг. истор. сборник, 1946, в. 7.

⁸ Anissimov A. La peinture russe du XIV-e siècle (Theophane Le Grec). — Gazette de Beaux Arts, 1930, p. 169—177.

⁹ Муратов П. Русская живопись до середины XVII в. — В кн.: История русского искусства, т. VI. М., с. 164—176; Алпатов М. В. Фрески храма Успения на Волотовом поле. — В кн.: Памятники искусства, разрушенные фашистами в СССР. М., 1947, с. 102—148.

¹⁰ Лазарев В. Н. Феофан Грек и его школа. М., 1961, с. 53—54.

¹¹ Красноречьев Л. Е. О датировке волотовских фресок. — В кн.: Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977, с. 149—152.

¹² См.: Культура средневековой Руси. Сборник к 70-летию М. К. Каргера. Л., 1974, с. 186—188.

рода.¹³ Из этого широкого понятия он не исключал и такое ремесло, как медное литье, совсем не изученное с эстетической точки зрения.¹⁴ Он писал о богатстве прикладного искусства в Новгороде, о разнообразии его видов, сетовал, что до сих пор в довольно обширной литературе, посвященной этому предмету, изучается избранное меньшинство. Тревога Николая Григорьевича оправдана и понятна. Прикладное искусство Новгорода Великого действительно еще не получило должного внимания. Между тем изучение его позволит необычайно расширить наше представление о культуре средневекового города, уточнить, а иногда и исправить некоторые выводы, поможет понять некоторые закономерности и особенности художественного развития.

Продолжив мысль Н. Г. Порфиридова о необходимости скрупулезного и всестороннего вникания во все области древней культуры, позволим себе напомнить еще об одной сфере художественного ремесла — сфрагистике. Она не рассматривается искусствоведами. Между тем вислые свинцовые печати имеют совершенно определенный художественный облик, тесно связанный с общим стилистическим развитием. Больше того, изображения на свинцовых буллах в силу хронологической установленности, принадлежности тому или иному лицу могут стать аргументом, дополняющим искусствоведческие заключения.

Так, например, для уточнения хронологических рамок периода искусства, к которому принадлежит икона Николы, исполненная мастером Алексей Петровым в 1294 г., и от которого сохранилось незначительное число памятников живописи, буллы архиепископов второй половины XIII—начала XIV в. имеют важное значение. Известно 26 архиепископских печатей этого времени: из них 5 принадлежат Далмату, 5 — Клименту, 7 — Феоктисту и 8 — Давиду.¹⁵ Каждая из групп обладает индивидуальными свойствами, но вместе с тем в них есть общие декоративные черты. Единство заключается в плоскости изображения Богоматери, условной одинаковой схематичности ее позы, прямолинейности контуров, структурной четкости силуэта. Чтобы представить особую характерность указанных печатей, напомним, как выглядят печати предшественников — Нифонта, Аркадия, Ильи, Григория, Мартирия, Антония.¹⁶ В изящной каллиграфии их надписей явно ощутимо воздействие греческой культуры. В печатях последующих владык — Моисея, Василия — открыто заявляет о себе живописная форма первой половины XIV в., с ее широким движе-

¹³ Порфиридов Н. Г. О некоторых вопросах истории прикладного искусства древнего Новгорода. — В кн.: Культура и искусство Древней Руси. Сборник статей в честь профессора М. К. Каргера. Л., 1967, с. 96—101.

¹⁴ Порфиридов Н. Г. О некоторых новых фактах параллелизма словесных и изобразительных памятников. — ТОДРЛ, 1969, т. XXIV, с. 85—88.

¹⁵ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси, т. II. Новгородские печати XIII—XV вв. М., 1970, с. 174—176, табл. 10, 62—64.

¹⁶ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси, т. I. Печати X—начала XIII вв. М., 1970, с. 176—178, табл. 6, 39.

нием, скульптурной пластикой объемов.¹⁷ Среди интересующих нас памятников сфрагистики XIII в. особенно выразительны печати Далмата (1249—1273).¹⁸ Все пространство буллы плотно занято изображением стоящей фигуры Богоматери, заключенной в круг по закону вписанного треугольника. Широко в стороны отведены ее руки, распахнуты полы складчатого мафория. Каймы одежд, контуры нимба, медальона, окружность самой печати обрамлены крупным жемчугом, орнаментальный мотив которого имеет качество стилистического канона XIII в. Предельная заполненность композиции, активная роль линии и орнамента, импозантность изображения, претендующего на вневременность, независимость от протекающих мимо событий, позволяют сравнить этот образ с иконами второй половины—конца XIII в. и сделать более точный вывод о времени зарождения и продолжительности этого своеобразного стилистического периода в искусстве средневекового Новгорода.

В последние годы жизни Николай Григорьевич много внимания уделял вопросу взаимодействия разных видов искусства. Медное литье и фольклор, живопись и произведения агиографии — в их соприкосновении и зависимости он видел источник, дающий возможность дальнейшего толкования, проникновения в сущностные глубины явления. Н. Г. Порфиридов не был первооткрывателем этих тем. Но, как и Д. С. Лихачев, особенно увлеченно и плодотворно работающий в этой области, он понимал острую необходимость обращения к ним. В статье «Два сюжета древнерусской живописи в их отношении к литературной основе» Николай Григорьевич обращается к хорошо известным иконам Новгородского музея — «Битва новгородцев с суздальцами» и «Видение пономаря Тарасия».¹⁹ В них иллюстрируются исторические сюжеты с точки зрения тех социальных условий, во время которых они создавались. Закljučая анализ этих памятников, Н. Г. Порфиридов приходит к выводу, что их первоосновой были литературные произведения, но «не устно-эпический рассказ, ни даже письменные произведения светского характера типа летописной записи, но обязательно произведение высоких церковных жанров — житие, сказание и т. п. Если такового не было, не могло появиться и произведения монументальной или станковой живописи (иконы) на данный сюжет».²⁰ Тут же Николай Григорьевич указывает, что во взаимоотношении литературного и живописного произведения не было прямого соответствия, т. е. художник, обращаясь к литературной основе, работал совершенно свободно, руководствуясь своими средствами, полагаясь на свою фантазию, преследуя свои идейно-художественные цели.

¹⁷ Там же, т. II, с. 176—177, табл. 10—11, 64.

¹⁸ Там же, табл. 62.

¹⁹ ТОДРЛ, 1966, т. XXII, с. 112—118.

²⁰ Там же, с. 118.

Вопрос о степени и характере взаимосвязанности литературы и изобразительного искусства чрезвычайно сложный и важный. Без обращения к нему невозможны дальнейшие изыскания. Постановка, посильное, постепенное решение его поможет вскрыть многие аспекты исторического, эстетического, философского содержания, заложенные в самой основе творчества, зависящего от разных условий общественной жизни, отзывающегося на ее запросы, отражающего ее закономерности и исключительные особенности.

Памятники письменности давали художникам не только сюжет и тему. Структура выбранного литературного сочинения зачастую определяла схематическое построение композиции иконы или фрески, подсказывала образное решение. В литературном наследии Древней Руси, в частности Новгорода, имеет значение весь комплекс памятников: исторические хроники, летописи, житийные повести, а также богослужебные сочинения. В них художники находили идею, воплощение которой нередко проходило в заданном литературным произведением поэтическом ключе.

Этой соподчиненностью литературы и живописи, участвующих в одном продуманном церемониальном ритуале, объясняются, по-видимому, изобразительная простота новгородских икон, отсутствие в них второстепенных, разъясняющих действие деталей. Раскрытие главной идеи события, создание ее обобщенного пластического образа являются целью живописца, обратившегося к близкому ему по духу литературному памятнику. Торжественный пафос новгородских икон ассоциируется со строгой упорядоченностью церковной службы, величавым спокойствием кондаков и тропарей, значительностью их рефренов и эпитетов-символов.

Понять, найти путь сложного взаимодействия литературы и изобразительного искусства — значит избавиться от многих субъективных оценок и решений, продиктованных зачастую модернизацией явления, рассмотрением его с точки зрения других, не соответствующих ему общественных условий. Если исходить из этого, то становится очевидной важность привлечения и сопоставления одновременных памятников, созданных в одном регионе. Трудность подобной задачи ясна, но преодоление ее даст наиболее ценные результаты. До сих пор в отечественных хранилищах древних рукописей лежат памятники, которые не привлекаются к подобного рода исследованиям. Число этих рукописей чрезвычайно велико, содержание их неисчерпаемо и таит в себе разгадки многих возникающих перед исследователем вопросов. Раскрытие этого фонда, всестороннее его лингвистическое, текстологическое, палеографическое, эстетическое изучение становятся одной из первоочередных задач исторической науки.

Н. Г. Порфиридов долгое время был хранителем иконописного фонда в Государственном Русском музее. Он любил, хорошо знал иконы и охотно обращался к проблемам их атрибуции. Ему принадлежит одна из замечательных работ в этой области — статья

«Два произведения новгородской станковой живописи XIII века».²¹ Речь в ней идет об иконах «Иоанн Лествичник, Георгий, Власий» (ГРМ) и «Спас на престоле с избранными святыми» (ГТГ), проводится сравнительный анализ памятников, на основе которого автор приходит к выводу об одном авторе этих произведений. Э. С. Смирнова осторожнее подходит к вопросу атрибуции этих икон, полагая, что они скорее всего созданы в одной мастерской, склоняясь тем самым к предположению, высказанному в свое время В. Н. Лазаревым и М. В. Алпатовым.²² Но в спокойной аргументации Н. Г. Порфиридова, в рассудительности его доказательств много достоверного, связанного с неоднозначностью творческого процесса, отражающего и характер заказа, и формирование поэтического замысла, и условия его воплощения.

Творческое наследие Н. Г. Порфиридова цельно ясностью поставленных задач. Он не стремился к решению крупных проблем, к созданию собственной теории или школы. Николай Григорьевич выступал вместе со многими учеными, составляя в их ряду важное и крепкое звено. Его опыт музейного работника, хранителя сокровищ национального духовного богатства, давал ему основание для научных исследований и суждений, в которых он всегда предстал человеком, стремящимся внести свою лепту в общее дело изучения и охраны памятников.

На склоне лет Н. Г. Порфиридов продолжал заниматься исследовательской и литературной деятельностью. Главной темой его работ оставался Новгород. Неудивительно, что, будучи уже пожилым человеком, он написал «Воспоминания» о своем любимом городе.

Это произведение полно исторических фактов, многие из которых известны были до сих пор только автору. В них открывается картина широкой общественной и научной жизни, предстают портреты современников. Вместе с тем в книге незаметно и независимо от воли автора отражается его глубокое участие к людям, неподдельная скромность человека, стоявшего у истоков музейной и научной жизни Новгорода.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Н. Г. ПОРФИРИДОВА *

1919

Художественные заметки. — Новгородская губернская газета «Звезда», 19, 22, 28 января; 2, 4, 19, 26, 28 февраля.

²¹ См.: Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968, с. 140—144.

²² Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода, с. 35—45, 159; Лазарев В. Н. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, с. 45—46, 48; Алпатов М. В. Всеобщая история искусств, т. III. М., 1955, с. 126, 423.

* Составила М. Г. Порфиридова.

1920

Охрана памятников старины — наш долг. — Материалы по кооперации Новгородской губернии, в. II. Новгород.
Письмо из Новгорода. — Дела и дни, кн. I. Пг.

1921

Художественный музей в Новгороде. — Газета «Звезда», 9 марта.
Картинная галерея. — Газета «Звезда», 27 июля.
Музей революции. — Газета «Звезда», 14 октября.
Вести из Новгорода. — Казанский музейный вестник, № 3—6. Казань.

1922

Губмузей. (К годовщине Великой Октябрьской социалистической революции). — Великий Красный Новгород. Новгород.
Памятники старины и наше отношение к ним. — Новгородское вече, № 5. Новгород.
К вопросу о переименованиях. — Газета «Звезда», № 272.

1923

Новгородская пинакотекa. (К 10-летию Музея древнерусского искусства). — Просвещение и культура, № 1. Новгород.
Легенда Грузинской колокольни. Новгород.
По поводу звонницы. — Газета «Звезда», 14 апреля.
Наша старина. Археологические камни. — Газета «Звезда», 21 июня.
Наша старина, II. Путевые дворцы. — Газета «Звезда», 24 июня.
Наша старина, III. Решетки. — Газета «Звезда», 6 июля.
Наша старина. Раскопки Новгорода. — Газета «Звезда», 12 июля.
Наша старина. Первобытныe новгородские поселения. — Газета «Звезда», 4 августа.
Наша старина. Древнейший политический центр в Приильменье. — Газета «Звезда», 10 августа.
Находка клада. — Газета «Звезда», 12 августа.
Наша старина. Древнейшие времена Новгорода. — Газета «Звезда», 1 сентября.
Новгород летописных времен. — Газета «Звезда», 6 сентября.

1924

К юбилею В. В. Стасова. — Просвещение и культура, № 6—8. Новгород.
Новгородская старина. (Усадьба Большие Теребони). — Газета «Звезда», 20 февраля.
О памятнике вождю. Где целесообразно поставить памятник. — Газета «Звезда», 26 апреля.
Осуществим ли в Новгороде памятник Ленину. — Газета «Звезда», 13 июня.
Поездка в Крестцы. — Газета «Звезда», 3 сентября.
Клад древних серебряных монет. — Газета «Звезда», 18 сентября.

1925

Два музея. — Газета «Звезда», 8 декабря.

1926

- Экскурсии в Новгород. — Спутник экскурсанта, № 8. Л.
Краеведческая работа в Новгородской губернии. — Известия центрального бюро краеведения, № 6. Новгород.
Картина Рубенса. — Газета «Звезда», 24 февраля.

1927

- Новгородский музей древнего и нового русского искусства. Краткий исторический очерк и обзор коллекции. Новгородские музеи и памятники, в. II. Новгород.
Новгородский край в религиозных преданиях, в. I. (Совместно с А. И. Семеновым и др.). Новгород.
Картина Рубенса отправляется в Москву. Наш музей пополняется десятком картин русских мастеров. — Газета «Звезда», 2 декабря.
Там, где возрождаются старые ценности. — Газета «Звезда», 6 декабря.
Аракчеевская потчина. — Газета «Звезда», 31 декабря.

1928

- Хронология грузинских построек. — Сборник Общества изучения русской усадьбы, в. 2—3.
Новые открытия в области памятников древней живописи в Новгороде (1918—1928). — Сборник Новгородского общества любителей древности, в. IX. Новгород.
Памятники древнерусской живописи, раскрытые в новгородской реставрационной мастерской в 1926—1927 гг. — Отчет Новгородского общества любителей древности за 1927 г. Новгород.

1929

- О местных бюро краеведения. — Известия центрального бюро краеведения, № 4. Новгород.
Новгородский Кремль. — Новгородские музеи и памятники, в. V. Новгород.
Краеведение в Новгородской округе. — Известия центрального бюро краеведения, № 6. Новгород.

1930

- Заметки о двух археологических памятниках Новгородского музея. I. Каменное изваяние. II. Надписное пряслице из Рюрикова Городища. — Материалы и исследования. Новгородский государственный музей. I. Новгород.
Извлечение из отчета о деятельности новгородских музеев за 1929 г. — Материалы и исследования. Новгородский государственный музей. I. Новгород.

1931

- Новгородский Кремль. — Новгородские музеи и памятники, в. V. 2-е изд. Новгород.
Мощи Софийского собора. (Совместно с А. Семеновым и А. Андреевым). Новгородские музеи и памятники, в. VIII. Новгород.
Музей в борьбе за выявление местных сырьевых богатств. — Материалы и исследования. Новгородский государственный музей. II. Естественные богатства и экономика края. Новгород.
Практика и задачи краеведческой работы в новгородском районе. — Материалы и исследования. Новгородский государственный музей. II. Естественные богатства и экономика края. Новгород.

1932

Новгородский художественный музей. Новгородские музеи и памятники, в. IX. Новгород.

Новгород. План города-музея с указателем. Новгород.

В поход за сырьем для станков второй пятилетки. — Новгородский турист. Новгород.

1936

Герцен в Новгороде. — Газета «Звезда», 10 апреля.

1937

Новгород в поэзии Лермонтова. — Газета «Звезда», 15 октября.

1938

Декоративная живопись Новгородской Грановитой палаты. Новгородский исторический сборник, в. V. Новгород.

1939

Памятник новгородской эпитафики XVI века. — Новгородский исторический сборник, в. 6. Новгород.

1940

Живопись Волотова. — Новгородский исторический сборник, в. 7. Новгород.

Камни с изображениями и знаками. — Новгородский исторический сборник, в. 7. Новгород.

1941

Очерки памятников новгородской сфрагистики. I. Печати Великого Новгорода. — Новгородский исторический сборник, в. 8. Новгород.

Древнейшее русское светское шитье XI—XII вв. — Новгородский исторический сборник, в. 9. (Сборник не вышел из печати в связи с войной).

1942

Фашизм — лютей враг национальной русской культуры. — Тюменская областная газета «Красное знамя», 27 февраля.

Александр Невский. Из героического прошлого нашей Родины. — Газета «Красное знамя», 24 марта.

1944

Новгород. — Газета «Литература и искусство», 22 января.

Андрей Рублев. — Газета «Литература и искусство», 22 апреля.

Народное творчество. — Газета «Красное знамя», 14 мая.

1946

Древняя русская литература. Литература XVIII века — первая половина. — Русская литература. Учебник для педагогических училищ. Под ред. проф. Н. Л. Бродского. М. (II изд. — 1948; III изд. — 1951; IV изд. — 1953; V изд. — 1959).

1947

Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI—XV вв. М.—Л.

Древнерусское искусство. Путеводитель. (Государственный Русский музей). Л.

Новые памятники древнерусского книжного орнамента. — Сообщения Государственного Русского музея. II. Л.

1948

Предисловие. — Каталог собрания копий древнерусских стенописей. Л.

Киевский период. Классицизм. — Русская литература. Учебник для средних школ. 8-е изд. М.

1951

Предметы прикладного искусства. — Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. — Археологические находки на о. Фаддея и на берегу залива Сиймса. М.—Л.

1952

Содружество музея с производством. — Сообщения Государственного Русского музея. III. Л.

1954

Древнерусское искусство. — Государственный Русский музей. Путеводитель. М.

1956

К истории русского серебряного и финифтяного дела. — Сообщения Государственного Русского музея. IV. Л.

1958

Надписи на ножах русских мореходов XVII в. — СА, № 2.
Древнерусское искусство. — Государственный Русский музей. Путеводитель. Л.—М.

Именные владычные печати Новгорода. — СА, № 3.
По залам музея. Государственный Русский музей. (2-е изд., вариант-пос). Л.

1959

Выдающийся памятник древнерусской живописи. — Искусство, № 2.
Об одной группе древнерусских медных литых изделий. — Сообщения Государственного Русского музея. VI. Л.

Очерки памятников новгородской сфрагистики. Печати владык Великого Новгорода. — Новгородский исторический сборник, в. 9. Новгород.

1960

О путях развития художественных образов в древнерусском искусстве. — Труды Отдела древнерусской литературы, XVI. М.—Л.

Гордость русского искусства. К 600-летию со дня рождения Андрея Рублева. — «Ленинградская правда», 15 сентября.

1963

Малоизвестный памятник древнерусской скульптуры. (Каменный крест из Боровичей). — Древнерусское искусство. М.

1964

Георгий в древнерусской мелкой каменной пластике. — Сообщения Государственного Русского музея. VIII. Л.

Зачеркнутый царским пером. (Из истории создания памятника «Тысячелетие России»). — «Новгородская правда», 12 марта.

1965

Клад для историка. О чем могут рассказать древнерусские иконы. — «Новгородская правда», 2 июля.

Страницы воспоминаний. К 100-летию Новгородского музея. День первый. — «Новгородская правда», 15 сентября.

В поисках шедевров. — «Новгородская правда», 18 сентября.

Художники в древнем Новгороде. — «Новгородская правда», 22 октября.

Дорогой открытий. — «Новгородская правда», 21 декабря.

1966

Два сюжета древнерусской живописи в их отношении к литературной основе. — Труды Отдела древнерусской литературы, XXII. М.—Л.

Новый памятник псковской станковой живописи. — Тезисы докладов к Всероссийской научной конференции, посвященной новым исследованиям в области древнерусского искусства и итогам экспедиций музеев РСФСР. Л.

1967

О некоторых вопросах истории прикладного искусства древнего Новгорода. — Культура и искусство Древней Руси. Сборник статей в честь проф. М. К. Каргера. Л.

Беседы об искусстве древнего Новгорода. I. Мощный центр культуры. — «Новгородская правда», 3 декабря.

Беседы об искусстве древнего Новгорода. II. Глубинные корни. — «Новгородская правда», 17 декабря.

1968

Два произведения новгородской станковой живописи XIII века. — Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М.

К истории псковской станковой живописи. Икона «Сшествие во ад» из г. Острова. — Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М.

Беседы об искусстве древнего Новгорода. III. Документы нового мироощущения. — «Новгородская правда», 3 января.

Беседы об искусстве древнего Новгорода. IV. Показатель культуры народа. — «Новгородская правда», 25 января.

Беседы об искусстве древнего Новгорода. V. Возвращенная красота. — «Новгородская правда», 7 февраля.

Золотое письмо. Возвратить в Новгород Васильевские врата. — «Новгородская правда», 30 мая.

1969

Новгородская вечевая печать. — Вспомогательные исторические дисциплины, II. Л.

Древнерусское искусство. — Государственный Русский музей. Л.

О некоторых новых фактах параллелизма словесных и изобразительных памятников. — Труды Отдела древнерусской литературы, XXIV, Л.

1972

О некоторых задачах в изучении станковой живописи древнего Новгорода. — Краткие тезисы докладов к научной конференции «Живопись древнего Новгорода и его земель XII—XVII столетий», 8—11 февраля 1972. Л.

Печати городских концов Великого Новгорода. — Вспомогательные исторические дисциплины, IV. Л.

Древнерусская мелкая пластика и ее сюжеты. — СА, № 3.

Живопись древнего Новгорода и его земель XII—XVII столетий. — «Новгородская правда», 16 февраля.

1973

Сокровищница искусства. (К 75-летию Русского музея). — «Новгородская правда», 18 марта.

1974

Золотая наводка — один из видов прикладного искусства Древней Руси. — Сообщения Государственного Русского музея. X. Л.

Следует ли отказаться от летописной даты Волотовской стенописи. — Культура средневековой Руси. Сборник к 70-летию М. К. Каргера. Л.

1975

О мастерах, материалах и технике древнерусской мелкой каменной скульптуры. — СА, № 3.

Из истории одного изображения в древнерусском искусстве. — Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М.

1976

Мелкая каменная скульптура Древней Руси. — Средневековая Русь. Сборник памяти Н. Н. Воронина. М.

1977

Вопросы областного атрибуирования памятников древнерусской мелкой пластики. — Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М.

1978

Тайнопись в эпиграфике памятников древнерусского искусства. — Вспомогательные исторические дисциплины, IX. Л.